

**«Радуется сердце мое, ибо Ты живешь, Христе»
Упражнения Братства «Общения и освобождения»
Римини, 28–30 апреля 2017 г.**

Запись введения, сделанного Хулианом Карроном

«Чтобы молитва не была чисто механическим действием, – говорил нам отец Джуссани, – возвысим наше сознание, пробудим нашу ответственность! <...> Весь мир словно накрыт свинцовым куполом – забвением о цели, ради которой человек просыпается по утрам, вновь принимается за дела, вновь берет себя в руки. Все вещи говорят ему: “Пробудись”. <...> Боже мой, каждое утро должно было бы нести такое освобождение! Но вместо этого наши дни обычно с самого начала обесцениваются тягостным забвением, даже если потом они полны деятельности. <...> Когда мы собираемся вместе, наша цель – вновь обратиться к свету... [очнуться от этого забвения и] не допустить, чтобы человек рядом с нами плакал в одиночестве и без всякой перспективы. Тогда, в такие моменты, туман, обволакивающий нашу голову, может рассеяться: мы вновь становимся сознательными и берем на себя ответственность за нас самих и за вещи, за любовь к нам и за любовь к солнцу, за любовь к нам и за любовь к людям. <...> От нас зависит, возникнет ли в мире и будет ли существовать компания, будет ли возможна компания, устраняющая отчужденность между мной и тобой, между одним человеком и другим и позволяющая вещам быть полезными, позволяющая времени быть полезным»¹.

Будем просить об этом со всей сознательностью, на какую мы только способны.

Снизойди, Дух Святой

Начну с чтения телеграммы, направленной нам Святейшим Отцом: «По случаю ежегодных духовных упражнений для членов Братства “Общения и освобождения”, проходящих в Римини, Его Святейшество папа Франциск, духовно присоединяясь к этому собранию, устремляет к его участникам сердечное приветствие и самые теплые мысли. Обращаясь к многочисленным присутствующим здесь и к тем, кто подключился по спутниковой связи, он желает, чтобы, подкрепляемые уверенностью в присутствии Христа воскресшего и живого, они пришли к изобильному внутреннему открытию плодотворности христианской веры в мире, терзаемом логикой выгоды, которая влечет за собой все большую нищету и порождает культуру отвержения. Святейший Отец молит о дарах Божественного Духа, чтобы революция нежности, начатая Иисусом в Его особой любви к малым, могла осуществиться на пути, проложенном досточтимым монсеньором Луиджи Джуссани, который призывал превратить нищету в нашу любовь. Прося поддерживать неустанной молитвой его вселенское служение, он испрашивает небесного заступничества Пресвятой Девы и от всего сердца преподает вам и всем собравшимся апостольское благословение, с радостью распространяя его на все Братство. Дано в Ватикане, 28 апреля 2017 г. Кардинал Пьетро Паролин, государственный секретарь Его Святейшества».

¹ L. Giussani. *Un evento reale nella vita dell'uomo*. Milano: Bur, 2013. P. 219–220.

1. «Что это за спасение, если оно не свободно?»

Кажется парадоксальным начало сегодняшнего вечера: отец Джуссани напомнил нам, что молиться надо так, чтобы молитва не была механическим действием, он призывал нас возвысить наше сознание, пробудить нашу ответственность, то есть взять в руки нашу свободу. Тем не менее, незадолго до того, как еще раз услышать его слова, мы пели о нашей неспособности жить в истине и том, насколько противоречиво мы пользуемся свободой: «Я научился только обманывать себя... <...> В моих руках осталась лишь выжженная земля и бессмысленные имена. *Своими руками я никогда не смогу установить справедливость*»².

Почему отцу Джуссани так важно вновь призвать нас к сознательности, к тому, чтобы мы возвысили наше сознание и взяли в руки нашу свободу? О причине напоминает нам Пеги: «Что это за спасение [говорит Бог], если оно не свободно. / Как его назвать. / Мы хотим, чтобы спасение было заработано им самим. / Им самим, человеком. Добыто им самим. / В каком-то смысле шло от него самого. В этом секрет, / В этом тайна свободы человека. / Такова цена, которую мы назначаем за свободу человека»³.

Кто вообразил бы, что можно столь высоко оценить человека и его свободу? Бог желает, чтобы мы по-настоящему были главными героями нашего спасения. Таким образом и время, и история не лишаются содержания! Почему? «Потому что Я Сам свободен, говорит Бог, и Я сотворил человека по образу и подобию Моему. / Такова тайна, таков секрет, такова цена / Всякой свободы. / Свобода этой твари есть прекраснейший на свете отблеск / Свободы Творца. И поэтому мы даем ей, / мы закладываем в нее ее подлинную цену»⁴.

Почему же Бог так хочет вовлечь нас в наше спасение, зная, какие мы бедолаги? По какой причине Он настаивает на нашем соработничестве?

«Спасение, – продолжает Пеги, – не будь оно свободным, не исходи оно от человека свободного, уже ничего бы для нас не значило. <...> / Какой интерес представляло бы подобное спасение? / Чем, по-вашему, должно мне быть интересно рабское блаженство, рабское спасение, блаженство слуги? Какое удовольствие в том, чтобы быть любимым рабами?»⁵

Пеги, опережая свое время, затрагивает здесь наиболее чувствительную точку нашей эпохи – свободу. Если в какую-то историческую эпоху эти слова были верны, то тем более верны они в настоящем, во времена, когда нет больше незыблемых убеждений, и потому никакой традиции недостаточно, чтобы сообщать христианство и делать его приемлемым. Хуже того, все, казалось бы, против него. Христианство больше не в моде, его не передашь по привычке или посредством неких обычаев, сложившихся в обществе. Для многих вокруг нас вера превратилась в этакое «старье», которое следует не задумываясь отбросить в сторону. Подобное положение дел может либо сбить нас с ног, либо вновь подтолкнуть на рискованный путь, еще сильнее оттеняя то, что было истинно с самого начала христианства: Христос предлагает Себя свободе человека.

Это верно прежде всего для нас: никто не избавит нас от нашей свободы, ничто не может прижиться в нас, не будучи принятым и заработанным в свободе. Именно в ней мы больше всего нуждаемся, как пишет мне один из вас: «Дорогой Хулиан, за три дня до духовных

² Ср. С. Chieffo. *La guerra // Песенник*. М.: Духовная библиотека, 2006. С. 173.

³ Ш. Пеги. *Избранное: Мистерии. Проза. Поэзия*. М.: Русский путь, 2006.

⁴ Ср. *Там же*.

⁵ Ch. Pèguay. *Il mistero dei santi innocenti // Misteri*. Milano: Jaca Book, 1997 P. 322.

упражнений я ощутил желание рассказать тебе, почему в очередной раз решил в них участвовать. Мне мало чисто механически ответить согласием на приглашение, я должен вновь открыть разумные причины, по которым я могу находиться там с открытым умом и сердцем. В мире, на первый взгляд, столь далеком от наших упражнений, я чувствую, что они несут благо и пользу и мне, и миру. В жизни каждого человека разворачивается великая игра отношений с Бесконечным, которое таинственным образом пронизывает конечность нашего существования и призывает его к Себе. Когда я открылся Ему, горизонт моей жизни изменился. Моя жизнь, как и жизнь всех остальных людей, непроста. Веду мою борьбу и иду по пути огромной благодати, по которому ты призываешь нас идти, я понял: жизнь прекрасна не потому, что в ней все в порядке и полностью соответствует моим представлениям о ней. Жизнь прекрасна, потому что каждый день в ней есть возможность отношения с Тайной, и все способно стать вызовом, помогающим открыть это отношение и получить что-то для себя. Освободиться от тревоги и страха (подлинных болезней нашего времени, которые пытаются лечить с помощью лекарств) мне позволил опыт непредвиденного, скрывающего в себе что-то, уготовленное для меня, некую возможность углубления отношений с Тайной. Я нуждаюсь в том, чтобы еще раз услышать, как Кто-то зовет меня по имени, и знать, что начатое Им во мне никогда не закончится. И поэтому я благодарен тебе, призванному пробуждать наш взгляд и наше сердце и обращать их к притягательности Иисуса, я благодарен и всем тем из нас, кто пламенно любит собственную судьбу».

Кого заинтересовало бы несвободное спасение, рабское блаженство? И какая радость для Бога, если люди станут любить Его по инерции или вынуждению? Богу ничего не стоило сотворить существ, которые справлялись бы со своими задачами механически, по-рабски. Он также мог сотворить и другие звезды, вращающиеся по заданной траектории. Они тоже, по словам Пеги, способствовали бы тому, чтобы сияло в мире Его могущество. «Могущество Мое сияет во всем творении и во всей его жизни; / В песке морей и в звездах неба... / И никто не оспаривает его, ибо все его знают. / И оно сияет в неживой природе, и в промысле, и в самом появлении человека»⁶.

Так чего же хотел Бог? «Творя мир разумный, Я хотел большего, – говорит Бог. / И лучшего. Бесконечно лучшего. Бесконечно большего. Я восхотел свободы. / И Я *создал* эту свободу. <...> / Когда узнаешь, что такое быть любимым свободно, теряешь вкус ко всякой покорности. / Когда узнаешь, что такое быть любимым свободными людьми, поклонение рабов уже не трогает. / <...> Ничто столько не весит, ничто столько не стоит. / Это несомненно Мое величайшее изобретение»⁷.

Итак, Бог восхотел чего-то лучшего. И нам это прекрасно известно: «Когда узнаешь, что такое быть любимым свободными людьми, поклонение рабов уже не трогает», ты «теряешь вкус ко всякой покорности». Бог хотел чего-то «бесконечно лучшего, бесконечно большего»: быть любимым свободно.

«Спросите у отца, не лучшая ли минута / Та, когда сыновья начинают любить его, как взрослые люди, / Его самого как человека, / Свободно, бескорыстно, / Спросите отца, чьи дети подрастают. <...> Спросите у отца, нет ли такого тайного часа, / Тайного мгновения, / Не тогда ли он наступает, / Когда его сыновья становятся взрослыми людьми, / Свободными, / И относятся к нему как к человеку, / Свободному, / Любят его как человека, / Свободно, /

⁶ Ш. Пеги. Избранное: Мистерии. Проза. Поэзия. Указ. соч.

⁷ Там же.

Спросите отца, чьи дети подрастают. / Спросите у отца, есть ли один счастливейший из всех миг / И не то ли это / Когда кончается покорность и сыновья, ставшие взрослыми людьми, / Любят его (относятся к нему), так сказать, со знанием дела, / Как человек человека, / Свободно, / Бескорыстно. Оценивают его. / Спросите у отца, знает ли он, что ничего не стоит / Человеческого взгляда, когда он скрещивается с человеческим взглядом. / А Я им отец, говорит Бог, и Я знаю удел человеческий. / Это Я его создал. / Я прошу у них не слишком многого. Я прошу только их сердце. / Когда Я получаю сердце, то нахожу, что это хорошо. Я не привередлив. / Покорность всех рабов на свете не стоит одного хорошего взгляда свободного человека. Вернее, покорность всех рабов на свете Мне противна, и Я отдал бы все / За один хороший взгляд свободного человека»⁸. Один хороший взгляд: не совершенство, а хороший взгляд свободного человека. Пеги завершает мысль: «Этой свободе, этой бескорыстности Я пожертвовал всем, говорит Бог, / Этому желанию быть любимым свободными людьми, / Свободно, / Настоящими людьми, мужественными, взрослыми, твердыми. / Благородными, нежными, но нежностью твердой. / Чтобы добиться этой свободы, этой бескорыстности, Я пожертвовал всем, / Чтобы сотворить эту свободу, эту бескорыстность, / Чтобы дать толчок этой свободе, этой бескорыстности. Чтобы научить его свободе»⁹.

О том же другими словами говорит святой Григорий Нисский: «Кто сотворил человека быть причастником собственных Своих благ..., тот не лишил бы наилучшего и драгоценнейшего из благ – разумею дар... свободы»¹⁰.

Какой интерес представляет для нас спасение, которое не свободно? Никакого. Да и Богу оно не интересно. Спасение становится интересным для человека и для Бога, только когда оно свободно. Для Бога – потому что Он хочет быть любимым свободными людьми, а не рабами. Для нас – потому что иначе спасение не стало бы моим, твоим. Свобода есть необходимое условие для того, чтобы понимать спасение не как нечто рабское, насажденное силой, а как то, что имеющее непосредственное отношение к нашим потребностям. На протяжении истории мы не раз видели, куда заводит несвободное спасение, навязанное силой, привычкой или же страхом. Принуждение многим людям привило отвращение к такого рода спасению. А привычка со временем отбила к нему всяческий интерес.

Итак, большой вопрос, который каждый из нас должен задать себе в начале этих упражнений прост: по-прежнему ли меня интересует спасение? Не привычка, не механическое повторение определенных действий, а спасение! Интересует ли оно меня как в начале, желаю ли я его столь же пламенно, как в начале? Нам прекрасно известно, что это не само собой разумеется. Время и превратности жизни никому не дают послаблений. Вот почему каждый должен посмотреть на собственный опыт и ответить за себя.

2. «Христос остается обособленным от сердца»

Готовя предисловие к новой книге, собравшей упражнения Братства, которые проводил отец Джуссани, я натолкнулся на беспокойство, высказанное им во время первых упражнений в 1982 году, когда Братство получило признание Святого Престола. Тогда он дал понять всем,

⁸ Ср. Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Григорий Нисский. *Большое огласительное слово*. Гл. 5.

что недостаточно пассивно оставаться в Движении, чтобы поддерживать его изначальную свежесть и не утратить интерес к произошедшей с нами встрече. Даже нам, избранным, удостоившимся потрясающего дара встречи со Христом в отце Джуссани, не достаточно было одной лишь привычки, чтобы сберечь начало. Он говорил: «Вы повзрослели, уверенно освоили свою профессию, но вместе с тем возможна как бы отдаленность от Христа (в сравнении с волнением, которое вы испытывали много лет назад [речь не о последовательности, которая была в нас много лет назад, а о волнении], особенно в определенных обстоятельствах, сложившихся много лет назад)... Имеет место отдаленность от Христа, кроме разве что некоторых моментов... <...> когда вы беретесь совершать дела в Его имя, во имя Церкви или Движения». Как мы видим, отец Джуссани не позволил возможной эйфории от признания Братства Святым Престолом сбить его с толку. «Христос словно далек от нашего сердца [хотя мы можем заниматься множеством дел]... или, точнее, Христос остается обособленным от нашего сердца»¹¹. Мало было просто оставаться в Движении, чтобы по-прежнему ощущать «волнение, которое мы испытывали много лет назад», в самом начале.

Ключевым моментом в суждении отца Джуссани была его догадка о том, что, повзрослев, мы стали проживать жизнь со всеми ее делами, пусть даже правильными, определенным образом, из-за чего «Христос оставался обособленным от сердца». А если Христос обособлен от сердца, рано или поздно Он перестает нас интересовать. Христос нам интересен в силу Своей способности приводить в трепет наше сердце, целиком и полностью соответствовать ему и позволять нам улавливать это соответствие.

Обособленность Христа от сердца касается отношения не только с Ним, но и со всем остальным. Отдаленность Христа от сердца – продолжает отец Джуссани – порождает другую отдаленность, «которая обнаруживается... (я говорю в том числе и о мужьях и женах) в конечном обоюдном затруднении, в отдаленности самого сокровенного в сердце одного человека от самого сокровенного в сердце другого; исключением являются лишь моменты совместных занятий (когда нужно заниматься домом, заботиться о детях и т. д.)»¹².

Обособленность Христа от сердца касается нашего отношения со всем, «потому что сердце [говорил Джуссани там же] – в том, как человек смотрит на своих детей, как он смотрит на жену или мужа, как он смотрит на прохожего, как он смотрит на людей из общины и коллег или – прежде всего – как он поднимается по утрам»¹³. Однако если Христос не имеет к отношения к тому, как мы смотрим на жену, мужа, прохожего, коллег и т. д., тогда Он не имеет отношения и к самой жизни, к девяноста девяти процентам жизни. В результате со временем Он становится ненужным, неинтересным для нас.

Из опыта нам хорошо известно, что Христос стал для нас интересным присутствием, поскольку привел в трепет наше сердце, заставил по-новому трепетать наше «я» перед лицом всех вещей («Реальность становится очевидной в опыте»¹⁴, – говорил отец Джуссани). Точно так же мы признаем, что другой человек, он или она, – именно тот, с кем мы желаем разделить жизнь, поскольку благодаря ему самые глубины нашего «я» затрепетали. Этот трепет – лишь сентиментальность или же возможность понять всю важность того присутствия для нас? То же самое касается и встречи со Христом, столкновения с Его присутствием в

¹¹ L. Giussani. *Una strana compagnia*. Milano: Bur, 2017. P. 21–22.

¹² *Ibidem*. P. 22.

¹³ *Ibidem*. P. 24.

¹⁴ L. Giussani. *Dal temperamento un metodo*. Milano: Bur, 2002. P. 143.

изначальном опыте.

Чтобы понять, как обстоят дела для каждого из нас, достаточно спросить себя: какое чувство преобладает сейчас в моей жизни? Что мы открываем в глубине самих себя? Какая мысль господствует в нас? Какая музыка непрерывно звучит фоном в нашем существовании? Человек един, и поэтому в конечном счете в нем господствует лишь одна мысль, лишь одно конечное чувство, каким бы оно ни было. Тут бесполезен любой анализ, потому что каждый вдруг оказывается перед большим вопросом: действительно ли Христос по-прежнему интересуется меня, как при первой встрече?

Достаточно провести параллель с пламенным желанием, которое родилось в нас в самом начале, и мы увидим, стал ли Христос ближе нашему сердцу, нежели тогда, или же сегодня Он оторван от него, обособлен от сердца, которое когда-то вострепнулось, и этот трепет «покорил» нас? Вот какова альтернатива: можно быть покоренными либо обособленными. Все более покоренными либо все более обособленными. Я говорю это не для того, чтобы вы судили себя с точки зрения морализма (давайте не будем терять время на подобные занятия!), я говорю это, чтобы бы осознали, по-прежнему ли Он интересуется вас и насколько мы сейчас воодушевлены в сравнении с началом.

3. Путь, который нам предстоит пройти

Далеко ли наше сердце от Христа или нет, зависит от нашей свободы. Она же задействована и в отношении с тем, кто сделал для нас Христа столь близким, – с отцом Джуссани и его харизмой, с наследием, которое мы получили.

На аудиенции 7 марта папа сказал нам: «Верность харизме не означает “окаменелость” – помните, что только дьявол обращает все в камень! Быть верным харизме не значит записать ее на пергаменте и поместить под стекло. Наследие, оставленное вам отцом Джуссани, не должно стать музеем воспоминаний, принятых решений и норм поведения. Оно, несомненно, предполагает верность традиции, однако, как говорил Малер, верность традиции “состоит в том, чтобы поддерживать живым пламя и не поклоняться пеплу”. Отец Джуссани никогда не простил бы вас, если бы вы утратили свободу и переквалифицировались в экскурсоводов по музею или в почитателей пепла. Поддерживайте живым пламя памяти о первой встрече и будьте свободными!»¹⁵

Без свободы жизнь каждого из нас может превратиться как раз в такой музей воспоминаний о былых временах. Если в настоящем нет ничего более интересного, чем все воспоминания вместе взятые, жизнь замирает, ведь никаких воспоминаний, даже самых замечательных, никаких принятых решений, никаких норм поведения недостаточно, чтобы поддерживать пламя живым сейчас. Этот путь никогда не должен прерываться: нельзя жить на ренту от прошлого. Фон Бальтазар писал об этом еще в начале пятидесятых годов: «Истина, которую продолжают лишь передавать, не подвергая глубокому переосмыслению, утрачивает жизненную силу»¹⁶. Ему вторил тогда же и Гвардини: «Монотонность сухого продолжения начатого задушит нас»¹⁷.

Тогда, в 1982 году, все были рады собраться в Римини и праздновать только что

¹⁵ Франциск. *Обращение к движению «Общение и освобождение»*. 7 марта 2015 г.

¹⁶ H. U. von Balthasar. *La percezione dell'amore. Abbattere i bastioni e Solo l'amore è credibile*. Milano: Jaca Book, 2010. P. 13.

¹⁷ R. Guardini. *Natale e capodanno. Pensieri per far chiarezza*. Brescia: Morcelliana, 1993. P. 38.

произошедшее признание Братства Святым Престолом, однако отец Джуссани не ослабил хватку, ни на секунду не забыл о своей пламенной любви к жизни каждого из нас. Ему важно было, чтобы тот момент, отмеченный папским признанием, стал возможностью осознать, что наша жизнь, по мере того как мы выросли, отдалялась от Христа. Что его беспокоило? Зрелость опыта людей, входивших в Братство, особенно после признания, – зрелость, по сей день зависящая исключительно от пути, который каждый из нас должен совершить.

Отец Джуссани хорошо понимал, что никакой статус и никакие указания к действию не в состоянии подменить движение свободы, оно является обязательным условием пути к зрелости, к истине о нас самих. Он говорил: «Поразительно думать о жизни, о времени как об изменении. Зачем мать рождает в мир младенца и тот живет потом сорок, пятьдесят, шестьдесят, семьдесят, девяносто лет? Чтобы он менялся! Чтобы претерпевал изменения! Но что значит меняться? Значит становиться все более истинными, то есть все больше самими собой»¹⁸. Кьеркегор замечает: «Я постигаю истину, только когда она становится жизнью во мне»¹⁹, – это и есть чувство изменения. Вот конечная причина призыва, который обращал к нам отец Джуссани: он хотел, чтобы мы становились все более истинными, все более самими собой. Как далеко это от морализма! Однако изменение не может произойти без нашего участия, без нашей свободы, без непрестанного вовлечения в него каждого из нас.

Почему отец Джуссани так настаивал на необходимости проделывать путь к зрелости? Потому что, выросшая в близости со Христом, мы способны достичь полноты нашей жизни и стать самими собой. В противном случае побеждает отчуждение. Однако эта зрелость далеко не самоочевидна, она не наступает автоматически с течением времени, когда мы становимся взрослыми по паспорту. Она не самоочевидна даже для тех, кто вырос на опыте Движения. Именно по этой причине в 1982 году отец Джуссани говорил: «Есть некоторая двусмысленность в том, чтобы “становиться взрослыми”... Не думаю, что обычно наше взросление делает Христа роднее для нас... что оно сделало более близким для нас ответ на вопрос, который содержался в предложении, услышанном нами двадцать пять лет назад. Мне так не кажется»²⁰.

Обычно наше взросление не делает Христа роднее для нас! Мы можем отнестись к этим словам как к раздражающему упреку или же принять их с бесконечной благодарностью, услышав в них голос человека, которому настолько дороги наша жизнь и наш путь, что он пользуется любой возможностью, чтобы напомнить нам истину о самих себе и не позволить нам скатиться в ничто.

И тут возникает вопрос: почему интерес сходит на нет и мы вдруг ощущаем Христа далеким от сердца? Почему взросление не сделало Его более близким? Потому что, как всегда говорил нам отец Джуссани, недостаточно спонтанности: взросление не спонтанный процесс. Необходимо задействовать нашу свободу, необходим путь – тот, который для апостолов стал «путем убеждения»²¹.

Позволим отцу Джуссани направлять нас на этом заново осознанном пути взросления в вере, который нас ожидает. Нам нужно задействовать нашу свободу, прежде всего чтобы поддерживать открытой нашу человечность: «Каждый из нас должен вовлекаться в...

¹⁸ L. Giussani. *Una strana compagnia*. Op. cit. P. 125.

¹⁹ Ср. S. Kierkegaard. *Esercizio del cristianesimo // Le grandi opere filosofiche e teologiche*. Milano: Bompiani, 2013. P. 2109, 2111.

²⁰ L. Giussani. *Una strana compagnia*. Op. cit. P. 24–25.

²¹ Л. Джуссани. *У истоков христианского притязания*. М.: Христианская Россия, 2010. С. 63.

крайнюю открытость духа... И здесь велика ответственность воспитания: способность к пониманию, хотя и отвечающая нашей природе, спонтанно не проявляется. Более того, если рассматривать ее как чисто спонтанное начало, исходная чувствительность, на которой она основана, будет задушена; сведение религиозности к чисто спонтанным проявлениям – это самый окончательный и тонкий способ ее преследования, это превознесение ее наиболее зыбких и преходящих аспектов, вызванных сиюминутной сентиментальностью. Если постоянно не подстегивать чувствительность к нашей человечности и не упорядочивать ее, то ни одно событие, сколь бы громким оно ни было, не найдет в ней соответствия. Так или иначе, все когда-нибудь испытывали чувство тупой отчужденности от реальности, которое охватывает нас, когда мы просто плывем по течению, когда не делаем никаких усилий: неожиданно вещи, слова и поступки, которые прежде были логичными и мотивированными, перестают быть таковыми, становятся непонятными»²².

С помощью чего мы улавливаем соответствие? С помощью нашего сердца, нашей человечности. Если наше сердце дремлет, никакое событие, включая событие Христа, не сможет явить свое соответствие сердцу и осуществить его. А без соответствия остается лишь отчужденность. «Как же я здесь одинока! О великий Боже, как одинока я здесь и какой чужой себя чувствую! Все вокруг меня враждебно мне, и нигде мне нет места. Даже вещи, окружающие меня, можно сказать, не видят меня, и меня словно нет. <...> Реальность отсутствует. Настоящая жизнь отсутствует»²³. Недостаточно, чтобы Христос продолжал происходить, если во мне нет открытости, позволяющей мне заметить Его и не воспринимать Его как нечто чуждое, если я глух к Его присутствию. Именно поэтому без свободы спасение не может сохранять для меня интерес. Подчеркивать свободу – существенно важно, ведь она не некий довесок к жизни. Однако не стоит и думать, будто мы справимся самостоятельно. Нет! Если мы свободно не задействуем всю нашу человечность, Христос остается обособленным, далеким от нас.

4. «Первая опасность, встающая перед нами, – формализм»

Каково же следствие этой обособленности Христа от сердца, этой тупой отчужденности, которую порой мы ощущаем со временем? Формализм.

«Первая опасность, встающая перед нами, заключается в формализме, в повторении слов или жестов, которые не встряхивают или так или иначе не переворачивают, то есть не движут что-то в тебе, не просвещают все больше взгляд, каким ты смотришь на самого себя, не подпитывают уверенность в отношении какой-либо ценности (к примеру, участие в выборах – потребность твоей человечности, в противном случае твоей человечности недостает меры)»²⁴.

Формализм есть вера, существующая параллельно жизни, довольствующаяся повторением слов и жестов; это присоединение, отождествляющееся с участием в определенных моментах или с выполнением определенной деятельности; однако, если она ничем во мне не движет, то вне этих моментов или по завершении этой деятельности мы предстоим перед жизнью, как и все остальные, мы тоже оказываемся между «крайней самонадеянностью и самым мрачным

²² Там же. С. 110

²³ P. Claudel. *Il pane duro // Il pane duro. Destino a mezzogiorno*. Milano: Massimo, 1971. P. 102.

²⁴ L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. Milano: Bur, 2008. P. 194–195.

отчаянием»²⁵.

Отец Джуссани говорил также и о «формальном присоединении к общине». Вот как он описывал его: «Человек в порядке не потому, что ходит на школу общины, не потому, что участвует в святой мессе со своим священником, не потому, что раздает листовки или вывешивает *дацзыбао*. Все это может быть формальностью, своего рода оплатой пошлины в пользу той социальной реальности, к которой он примыкает. Но когда все это становится опытом? Когда говорит тебе что-то и движет («движение») что-то в тебе»²⁶.

В другой раз, в 1977 году, опять же выступая в университетской среде, он говорил: «Настоящей проблемой является формализм веры. Мы живем в эпоху, когда вера целиком и полностью сведена к морализму. <...> Мы не исходим из сознания о Христе как о нашей жизни, а потому, и жизни мира, и, как следствие, из сознания о мире как о моей жизни»²⁷.

Это понимал и выдающийся православный богослов Оливье Клеман: «Практика Церкви незаметно изменяется, и не вследствие сознательного созидания, а по причине уступок, склероза, отклонений, повторных истолкований *апостериори*, благоговейного почитания привычек, которые сами по себе случайны»²⁸.

На этом всегда настаивал отец Джуссани. В одном из текстов, относящихся к 1984 году, он утверждал: «Если любое действие нашего Движения не порождает в самой глубине конкретных дел нашей жизни призыв к памятованию о Христе, то нет в нем никакой ценности. И даже хуже, в таком случае оно усугубляет положение человека, поскольку благоприятствует формализму и морализму. Тогда событие между нами – событие, которое мы должны трепетно хранить во взгляде и в сердце как критерий нашего поведения в отношении друг друга – свелось бы к социальному убежищу, к общественной позиции»²⁹.

А в упражнениях Братства, вошедших в новую книгу, он добавлял: «В какие-то мгновения наша душа поднимается... “пробуждается”, приходит в движение, однако затем мы вновь начинаем смотреть на повседневную жизнь пустым, ни за что не цепляющимся, тяжелым, ограниченным, подавленным взглядом. Эти два момента мысли и взгляда на нас самих словно никогда не связываются между собой, разве только извне, с точки зрения морализма: то есть, поскольку у нас есть вера, мы не можем делать определенные вещи, тогда как другие делать нужно. Но мы делаем их как бы извне, а не изнутри: то, что делается или не делается, не является выражением нового сознания (обращения), истины о нас, это словно оплата пошлины, адресованной чему-то внешнему, пусть даже благоговейно и глубоко признаваемому и уважаемому. Однако все не так: или Бог есть жизнь, или Он как будто стоит за нашей дверью»³⁰.

Когда мы поддаемся такому разделению (между Богом и жизнью, между присутствием Христа и жизнью, между верой и жизнью), наши обязанности становятся всего лишь приложением к существованию, чем-то чуждым сердцу. Это подчеркивает папа в апостольском обращении *Evangelii gaudium*: «Сегодня у многих... можно заметить чрезмерную заботу о границах личной автономии и комфорта, что побуждает относиться к нашим к нашим обязанностям как к простому приложению к жизни, будто бы они не

²⁵ Ср. Л. Джуссани. *Путь к истине является опытом*. М.: Христианская Россия, 2006. С. 66.

²⁶ L. Giussani. *Uomini senza patria (1982–1983)*. Op. cit. P. 194.

²⁷ L. Giussani. *Dall'utopia alla presenza (1975–1978)*. Milano: Bur, 2006. P. 109–110.

²⁸ O. Clément. *La rivolta dello spirito*. Milano: Jaca Book, 1980. P. 82.

²⁹ L. Giussani. *Appendice // Alla ricerca del volto umano*. Milano: Jaca Book, 1984. P. 90.

³⁰ L. Giussani. *Una strana compagnia*. Op. cit. P. 194–195.

представляют собой неотъемлемую часть нашей идентичности. В то же время духовная жизнь смешивается с некоторыми религиозными моментами, дающими некоторое облегчение, но не влекущими за собой встречу с другими, ответственность за мир, страсть к евангелизации. У многих работников на ниве евангелизации, несмотря на молитву, отмечается обострение индивидуализма, *кризис идентичности и ослабление рвения*³¹. Сколько действий лишены духовности и не вызывают желаний совершить их и потому утомляют нас. Тот же папа Франциск описывает результат разделения веры и действия, выражающийся в утомительном активизме. «Проблема не всегда заключается в чрезмерной деятельности, но, в первую очередь, в неверно воспринимаемых действиях, без соответствующей мотивации, без духовности, которая должна бы предварять действие и пробуждать желание совершить его. Как следствие, обязанности утомляют неизмеримо больше и даже иногда вызывают болезнь. Речь идет не о спокойном труде, а о напряженном, тяжелом, не приносящем удовлетворения и, в конечном счете, неприемлемом»³².

Каково следствие всего этого? «Тем самым обретает очертания самая страшная угроза, заключающаяся в “сером прагматизме повседневной жизни Церкви, когда внешне все протекает нормально, а на самом деле вера истощается и вырождается в мелочность”. Развивается “психология гробницы”, постепенно превращающая христиан в музейные мумии. Разочарованные в реальности, в Церкви или в самих себе, они борются с постоянным искушением поддаться слащавой печали, лишенной надежды, поработавшей сердце, как “самый ароматный эликсир Сатаны”. Христиане, призванные просвещать и сообщать жизнь, в итоге позволяют себе увлечься вещами, порождающими лишь тьму и внутреннюю усталость, ослабляющими апостольский динамизм. Вот почему я настаиваю: не позволим украсть у нас радость евангелизации!»³³

5. Суть проблемы: «Мы оказались оторванными от человеческого основания»

Когда Христос обособлен от сердца и не кажется интересным для нашей жизни, христианство выкристаллизовывается в доктрину. Если я не признаю, что нуждаюсь во Христе, если не понимаю, что Он принципиально важен, чтобы моя жизнь была полноценной, что без Его присутствия я не могу жить, поскольку ничто другое не утолит мою нужду, – тогда христианство в лучшем случае становится благородным предложением для моих общественных или религиозных занятий, от коих я буду ждать собственной реализации (или удовлетворения), которая никогда не наступит. Вот почему необходимо правильно понимать природу сердца, значение нашего желания, нашей нужды и не заблуждаться, думая, будто можно найти удовлетворение в чем-то помимо Его присутствия. Действительно, Христос становится нам чуждым, когда наше сердце отчуждается от нас самих.

Отец Джуссани ясным образом определил суть проблемы, которую папа столь хорошо описал и из-за которой мы в конце концов отчуждаемся от Христа и от себя самих. «Мы, христиане, – утверждал он в 1985 году в Кьети, – в современной обстановке оказались оторванными не непосредственно от христианских формулировок [которые можно знать наизусть], не непосредственно от христианских обрядов [которые можно по-прежнему

³¹ Франциск. *Evangelii gaudium*, 78.

³² Там же, 82.

³³ Там же, 83.

повторять], не непосредственно от законов, прописанных в христианском декалоге [которые можно верно соблюдать]. Мы оторваны от человеческого основания, от религиозного чувства. Наша вера уже больше не является религиозностью... она уже не отвечает, как должна бы, на религиозное чувство. [И потому] наша вера не сознает, не понимает саму себя. Автор, которого я читаю вот уже много лет, Рейнхольд Нибур, говорил: «Нет ничего невероятнее, чем ответ на непоставленный вопрос». Христос есть ответ на вопрос, на человеческий голод, на жажду истины, счастья, красоты и любви, справедливости и конечного смысла»³⁴.

Вера утрачивает интерес, выхолащивается в той мере, в какой мы отрываемся или позволяем себя оторвать от человеческого основания. В результате и Христос становится далеким, а вместе с Ним – и другие люди, и вся действительность, и наши дела: все превращается в пошлину, подлежащую оплате. Об этом говорил Толстой: «Я чувствовал, что пропадает во мне то, что мне нужно для жизни»³⁵.

Предание Христа забвению сегодня, в нашем западном обществе, происходит в первую очередь не посредством явного и прямого Его оспаривания, а через умаление человечности, человеческих желаний и потребностей, через контроль над нашей жаждой, то есть над нашей исконной нищетой. Так Христос становится всего лишь именем (мы об этом не раз говорили), христианство же превращается в некую культурную матрицу и в отправную точку для воззваний этического характера.

Здесь мы можем проследить влияние на нас Просвещения. «Случайные исторические истины [события] не могут служить доказательством необходимых истин разума»³⁶ – утверждал Лессинг. А Кант добавлял: «Основанная только на фактах историческая вера способна расширять свое влияние не далее, чем этого могут достигнуть по обстоятельствам времени и места известия, позволяющие судить о ее достоверности»³⁷. Мы тоже думали, будто можно познавать, менять что-то, будто можно выработать эффективные воззрения и практики, оставив в стороне реальность Христа, то есть мы поверили в возможность обойтись без Факта, без исторического, воплощенного присутствия Христа, которое становится доступным опыту в Церкви.

Но, как сказал нам отец Джуссани (и мы повторили его мысль на упражнениях в прошлом году), «частный случай... [есть] краеугольный камень христианского представления о человеке, о его моральных принципах в отношениях с Богом, с жизнью, с миром»³⁸. Иными словами, только изнутри истории отдельно взятого человека, порожденной Христом, только в силу опыта Христа в сердце каждого из нас способно возникнуть и оставаться живым во времени истинное понимание человека и возможность нравственности. Сейчас, как и тогда, именно событие Христа, историческая встреча с его присутствием позволяет распахнуться полной истине о человеке и развернуться пути к ней.

Послушаем как точно, как детально отец Джуссани описывал частный случай, произошедший в его собственной жизни: «Если бы в первом классе лица я не встретил монсеньора Гаэтано Корти, если бы не услышал немногие лекции итальянского монсеньора

³⁴ L. Giussani. *La coscienza religiosa nell'uomo moderno*. 21 novembre 1985 // Quaderni del Centro Culturale «Jacques Maritain». Chieti. Gennaio. 1986. P. 15.

³⁵ Л. Н. Толстой. Собр. соч. в 22 т. Т. 16. М.: Художественная литература, 1983. С. 150.

³⁶ Sul cosiddetto «argomento dello spirito e della forza» // *La religione dell'umanità*. Roma-Bari: Laterza, 1991. P. 68.

³⁷ Ср. И. Кант. Религия в пределах только разума // Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С. 172.

³⁸ L. Giussani, S. Alberto, J. Prades. *Generare tracce nella storia del mondo*. Milano: Rizzoli, 1998. P.82.

Джованни Коломбо, впоследствии ставшего кардиналом Милана, если бы не нашел ребят, которые, слыша о том, что я чувствовал, делали большие глаза, словно от неожиданности столь же непонятной, сколь желанной, если бы я не начал встречаться с ними, если бы все больше людей не присоединялось ко мне, если бы у меня не было этой компании, если бы у тебя не было этой компании, то Христос для меня, как и для тебя, остался бы всего лишь словом, предметом богословских рассуждений или же, в лучшем случае, призывом к “набожной” привязанности, обобщенной и смутной, которая делается определеннее лишь в страхе перед грехами, иначе говоря – в морализме»³⁹.

Однако вернемся к теме, которую мы оставили открытой. Чтобы христианство не выкристаллизовалось в доктрину (богословские рассуждения) и не свелось к этике (морализму), нужны родовые муки, то есть Христос не должен добавляться к нашему существованию извне, с точки зрения морализма, оставаясь в конечном итоге чуждым нашему сердцу. Он должен стоять у истоков нашего сознания и наших действий, так, чтобы очевидность Его присутствия проистекала из глубины жизни, переживаемой в отношении с Ним, в свете связи с Его присутствием. Об этом говорил Мунье в отрывке, прочитанном и прокомментированном отцом Джуссани во время упражнений Братства в 1989 году: «Из земли, из основательности [земля или основательность есть совокупность условий, в которых воплощается жизнь: моя одежда, мой голос, глаза, которые до определенного момента мне служат] неизбежно происходят роды, полные радости [или крика, но это крик радости о рождаемом], рождается терпеливое ощущение возрастающего дела [рождаемое растет, упорядочивается, обретает тело, путь, историю, исполненную терпения], этапов, следующих один за другим [этапов истории], ждите в терпении и доверии [в доверии, ведь Он здесь]. Необходимо страдать, чтобы истина не выкристаллизовалась в доктрину”. Всё – страдание: роды, терпение, этап, следующий за этапом и не наступающий сразу же, высшая жертва доверия, то есть уверенности в Другом. Страдание ради того, чтобы факт, пребывающий посреди нас, Христос, не оставался лишь примером или сводом нравственных ценностей, а родился от плоти. Нужно страдать: соглашаться с тем способом, каким это присутствие находится среди нас. Кроме того, Христос воскрес, но прошел через смерть. В молитве “Ангел Господень” мы просим у Бога, чтобы мы, познавшие воплощение Его Сына Иисуса Христа, Его же смертью и воскресением дошли до опыта Его славы, до изменения жизни и мира. Прирастать ко Христу, позволять Ему проникать в нашу плоть – значит смотреть, постигать, чувствовать, судить, оценивать, пытаться оценивать самих себя и вещи в памятовании о Его присутствии, глядя на все сквозь призму Его присутствия. <...> От этого памятования происходит вся нравственность. Его присутствие ни на йоту не упраздняет закон, а полагает его основания»⁴⁰.

Как сказал папа Франциск в Страстной Четверг, «никогда истина радостного Благовестия не будет лишь отвлеченной истиной из ряда тех, что никогда не воплощаются в жизнь в полной мере»⁴¹.

Одна преподавательница пишет мне: «Во время Триденствия для старшеклассников я обедала с некоторыми ребятами и спросила у одного из них, сидевшего напротив меня, как его зовут, сколько ему лет и где он учится. “Шестнадцать лет, третий класс лицея”.

³⁹ L. Giussani. *Qui e ora. 1984–1985*. Milano: Bur, 2009. P. 209–210.

⁴⁰ L. Giussani. *Occorre soffrire perché la verità non si cristallizzi in dottrina ma nasca dalla carne*. Esercizi spirituali della Fraternità di Comunione e Liberazione. Rimini, 1989. P. 24.

⁴¹ Франциск. *Проповедь во время Святой Мессы освящения елеев*. 13 апреля 2017 г.

Я продолжила задавать вопросы, и он голосом, лишенным каких-либо эмоций, отвечал: “Да, я доволен и согласен с услышанным, но оно для меня не в новинку, я все это знаю, мне об этом говорил священник из моей общины, с которым я общаюсь последние три года. Для меня это углубление уже известного”. Передо мной сидел человек, в котором воплотилось восприятие действительности как чего-то само собой разумеющегося! Я словно увязла в нашем разговоре. Мне ужасно хотелось отступить. И все же – в такое сложно поверить – в глубине, в самой глубине души я была ему благодарна, поскольку он позволил мне стать сознательней в отношении меня, в отношении моего желания. И эта рана заставила меня опуститься на колени: без Тебя, без Тебя, Христе, присутствующего здесь и сейчас, я ничто, я утрачиваю мою человечность, теряю мое “я”. В ходе банального, “безвкусного” обеда я смогла обнаружить основополагающую потребность, сущностную нужду моего существования, которая состоит в том, чтобы заметить, что Ты есть. До недавнего времени я бы даже обратила внимание на подобный эпизод или он вызвал бы во мне лишь кратковременную нетерпимость, раздражение. Я бесконечно благодарна отцу Джуссани за то, что он наставил меня на путь, где ничто, по-настоящему ничто не должно быть забыто или вычеркнуто!»

Это письмо свидетельствует о том, насколько мы нуждаемся в нищете (мы даже опускаемся на колени, чтобы просить о ней), в нищете, к которой призывает нас папа в послании, направленном нам с благодарностью за пожертвования, собранные нами во время паломничеств по случаю Юбилейного года. Я вернусь к нему завтра. Все становится безвкусным, все становится самоочевидным, если мы не сознаем нашу нищету, нашу нужду, если не задействуем нашу свободу. Сколь же прав Пеги! Если мы не становимся, как он говорит, главными героями нашего спасения, оно утратит для нас интерес.

6. «На стороне гроба или же на стороне Христа»

Во время пасхальной проповеди папа призывал: «Подумаем, пусть каждый из нас подумает о ежедневных проблемах, о болезнях, которые пережили мы сами или которые выпали на долю наших родных, подумаем о войнах, о человеческих трагедиях и просто, смиренным голосом без всяких прикрас, один на один с Богом, с самими собой скажем: “Не знаю, как все происходит, но уверен, что Христос воскрес, и я полагаюсь на это”»⁴².

Со Христом можно встречать лицом к лицу любую ситуацию, в какой бы мы ни оказались. Именно в этом и состоит проверка. Наша вера не обречена на кристаллизацию и сухость, однако, чтобы совершить такую проверку, требуется наша свобода. Мы должны решить, на какой мы стороне.

Об этом очень ясно и трогательно говорил папа Франциск 2 апреля на Карпи. Он обращался к пострадавшим от землетрясения в Эмилии-Романье, но его призыв важен и для нас, собравшихся здесь сегодня: «Остановимся на последнем из чудесных знаков, явленных Иисусом перед Его Пасхой у гроба Его друга Лазаря. <...> Возле того гроба происходит великая встреча-столкновение. С одной стороны – огромное разочарование, шаткость нашей смертной жизни, проникнутой тревогой перед смертью и часто терпящей поражение, испытывающей внутреннее помрачение, которое кажется непреодолимым. Наша душа, сотворенная для жизни, страдает, чувствуя, что ее жажда вечного блага угнетена древним и темным злом. С одной стороны – поражение гроба. Но с другой, есть надежда,

⁴² Франциск. *Проповедь во время Святой Мессы в Воскресенье Пасхи*. 16 апреля 2017 г.

побеждающая смерть и зло и имеющая имя: надежда зовется Иисус. <...> Дорогие братья и сестры, мы тоже призваны решить, какую сторону нам занять. Можно стоять *на стороне гроба* или же *на стороне Иисуса*. Кто-то замыкается в печали, а кто-то открывается надежде. Кто-то остается под руинами жизни, а кто-то, подобно вам, с Божией помощью разгребает руины и в терпеливой надежде вновь берется за созидание. Перед великими “почему” существования у нас два пути: застыть на месте и с тоской смотреть на вчерашние и сегодняшние гробы или же позволить Иисусу приблизиться к нашим гробам. Именно так, потому что у каждого из нас уже есть маленький гроб, какая-то омертвелая часть сердца: рана, ущерб, нанесенный нам или нами, обида, не оставляющая в покое, угрызения совести, возвращающиеся снова и снова, грех, который мы не в силах преодолеть. <...> Услышим же слова Иисуса, сказанные Лазарю, словно они обращены к каждому из нас: “Иди вон!” Выйди из-под завалов безнадежной печали, разорви пелены страха, мешающие идти, освободись от уз слабостей и тревог, сдерживающих тебя... Следуя за Иисусом, научимся не стягивать нашу жизнь узлом вокруг спутывающихся друг с другом проблем: проблемы будут всегда, всегда, и, когда мы решаем одну, тотчас возникает другая. Однако мы можем обрести *новую стабильность*, и стабильность эта – именно в Иисусе, имя этой стабильности – Иисус... И пусть у нас не будет недостатка в бременах, Его рука всегда облегчит их»⁴³.

А в пасхальную ночь папа утверждал: «Своим Воскресением Христос не только отвалил камень от гроба: Он также желает смести все преграды, замыкающие нас в бесплодном пессимизме, в наших просчитанных концептуальных мирах, отдаляющихся от жизни, в наших одержимых поисках надежности и чрезмерных амбициях, способных играть с достоинством других. <...> Бог врывается в мир, чтобы перевернуть все критерии и предложить нам новую возможность. <...> Возрадуйся, ибо твоя жизнь скрывает росток воскресения, предложение жизни, ожидающей пробуждения. Вот что призывает нас возвещать эта ночь: сердцебиение Воскресшего, Христа живущего! <...> Пойдем и позволим этой иной заре удивить нас, позволим удивить нас той новизне, какую может даровать лишь Христос. Позволим Его нежности и Его любви двигать нами, позволим биению Его сердца преобразить наш слабый пульс»⁴⁴.

Именно ради этого мы собрались здесь: чтобы поддерживать друг друга, призывать друг друга нашим свидетельством, использованием нашей свободы, чтобы позволить Его присутствию удивить и обнять нас, потому что только так мы не станем пленниками могилы, как говорит папа. «Мы призваны решить, какую сторону нам занять. Можно стоять *на стороне гроба* или же *на стороне Иисуса*».

Прошу всех вас соблюдать моменты молчания, чтобы помочь нам быть на стороне Иисуса. Не будем относиться к ним как к чему-то само собой разумеющемуся. Если мы не помогаем друг другу поддерживать в нас полноценное молчание, не механическое, полное стремления признать Его присутствие, если мы не упражняемся в молчании, то эти дни не станут для нас духовными «упражнениями». Чтобы быть моим, молчание тоже должно рождаться от плоти.

В этом году мы решили использовать часть молчания при входе в зал, чтобы вспомнить некоторые песни из нашей истории. Это предложение возникло от желания не воспринимать как должное дар совместного пения. Мы желаем, чтобы все мы, а следовательно, и наши общины, открыли для себя его красоту и воспитательную силу.

⁴³ Франциск. *Проповедь на Карни*. 2 апреля 2017 г.

⁴⁴ Франциск. *Проповедь на Святой Мессе Навечерия Пасхи*. 15 апреля 2017 г.